

пародийное и ироничное обыгрывание жанрового канона свидетельствуют об активной жизни жанровой традиции.

Список литературы

1. Аникина А. О литературных истоках детских мотивов в поэзии А. Ахматовой / А. Аникина // Русская речь. 1991. – № 1. – С. 21–27.
2. Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. / А. Ахматова. – М., 2000.
3. Ахматова А. Сочинения: в 2 т. / А. Ахматова. – М., 1996. Т. 1.
4. Будыко М. Рассказы Ахматовой // Звезда. – 1989. – № 6. – С. 76–81.
5. Бунин И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. / И. Бунин. – М., 1987.
6. Бунин И. Тропами потаенными. Стихотворения / И. Бунин. – М., 1997.
7. Еврипид Трагедии / Еврипид. М., 1969.
8. Жуковский В. Баллады и стихотворения / В. Жуковский. – М., 1990.
9. Кунин В. Поэты пушкинского круга / В. Кунин. – М., 1983.
10. Пушкин А. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. Пушкин Л., 1977. – Т. 3.
11. Северянин И. Стихотворения. Поэмы. Проза / И. Северянин. – М., 1999.
12. Филимонов С. Символизм как семиотическое явление и его гносеологическая оценка : дис. ... канд. филос. наук / С. Филимонов. – Казань, 1999.

References

1. Anikina A. O literaturnykh istokah detskih motivov v poezii A. Ahmatovoy [On the literary origins of children's motifs in the poetry of Anna Akhmatova] // Russkaya rech. 1991. № 1. pp. 21–27.
2. Ahmatova A. Sobraenie sochinenij [Complete works]: V 6 t. T. 4. M., 2000.
3. Ahmatova A. Sochinenija [Works]: in 2 t. T. 1. M., 1996.
4. Budyko M. Rasskazy Ahmatovoj [Akhmatova stories] // Zvezda. 1989. № 6. pp. 76–81.
5. Bunin I. Sobraenie sochinenij [Complete works]: in 6 vol. Vol. 1. M., 1987.
6. Bunin I. Tropami potaennymi. Stihotvorenija [The hidden trails. Poems]. M., 1997.
7. Evripid Tragedii [Tragedy]. M., 1969.
8. Zhukovskij V. Ballady i stihotvorenija [Ballads and poems]. M., 1990.
9. Kunin V. Poety pushkinskogo kruga [Poets of Pushkin's circle]. M., 1983.
10. Pushkin A. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]: in 10 vol. Vol. 3. L., 1977.
11. Severjanin I. Stihotvorenija. Pojemy. Proza [Lyrical poems. Poems. Prose]. M., 1999.
12. Filimonov S. Simvolizm kak semioticheskoe javlenie i ego gnoseologicheskaja ocenka [Symbolism as a phenomenon of semiotic and its epistemological evaluation]. Kazan', 1999.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ЕВРАЗИЙСКИЕ ГРАНИ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Кукуева Асият Абдуллаевна, кандидат филологических наук, Дагестанский государственный педагогический университет, 367003, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, 57.

В статье дан анализ критических взглядов А.И. Герцена, Д.Ф. Достоевского, Н.Н. Страхова и Д.И. Писарева на роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». Автором, в контексте романа И.С. Тургенева, рассматриваются вопросы культурно-исторической детерминированности русской классической литера-

туры, обнаруживаются возможности многовариантного, в том числе, евразийского прочтения произведений русской классики.

Ключевые слова: русская литература, литературные течения, славянофильство, западничество, евразийство, нигилизм, И. Тургенев

RUSSIAN LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: EUROASIAN SIDES OF CREATIVE PROCESS

Kukuyeva Asiyat A., Candidate of Philological Sciences, Dagestan State Pedagogical University, 367003, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, 57 Yraagsky st.

In article the analysis of critical views of A.I. Herzen, D.F. Dostoyevsky, N.N. Strakhov and D. I. Pisarev of I.S. Turgenev's novel "Fathers and children" is given. The author, in the context of I.S. Turgenev's novel, considers questions of cultural and historical determinancy of the Russian classical literature, opportunities of multiple, including, the Euroasian reading of works of the Russian classics are found.

Keywords: Russian literature, literary trends, Slavophilism, Westernism, eurasianism, nihilism, I. Turgenev

Прежде всего, следует пояснить или обосновать выбор объекта исследования в интересующей нас проблеме одного романа из огромного океана произведений отечественной классической литературы, за автором которого ещё при жизни закрепилась репутация последовательного западника. При этом уместно отметить и то обстоятельство, что роман «Отцы и дети» Ивана Сергеевича Тургенева исследован и прокомментирован, как говорится, «вдоль и поперек», по этому произведению защищены сотни докторских и кандидатских диссертаций, издан множество монографий и т.д. На обычно задаваемый и резонно встающий вопрос: что «нового еще можно найти и сказать в подобной исследовательской ситуации?», действительно, трудно найти адекватного ответа. Между тем, как также известно, каждая историческая эпоха в соответствии с ее духом, общественными и политическими и другими социально-культурными запросами определяет адекватное прочтение и трансформацию ценностей предыдущих поколений. В отмеченном контексте уместно сказать, что опыт прочтения и осмысления тургеневского творчества, например, критиками Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Писаревым, Дружининым, Страховым, Леонтьевым, с одной стороны, и писателями Герценом, Достоевским, Л. Толстым, с другой стороны, можно и правомерно трансформировать через призму современных, в том числе, евразийских культурно-исторических концепций.

Как известно, роман «Отцы и дети» вызвал оживленную полемику в различных слоях русского общества, он стал объектом идейной и политической борьбы между различными журналами 60-х годов. В процессе этой дискуссии журналы консервативного направления («Русский вестник», «Время») столкнулись с либеральными («Отечественные записки», «Библиотека для чтения»). Редактор «Русского вестника» М. Н. Катков в статьях «Роман Тургенева и его критики» и «О нашем нигилизме (по поводу романа Тургенева)» утверждал, что нигилизм — общественная болезнь, с которой надо бороться путем усиления охранительных консервативных начал; что занятия «новых людей» естественными науками — дело несерьезное и праздное; наконец, что «Отцы и дети» ничем не отличаются от целого ряда антинигилистических романов других писателей.

Своеобразную позицию в оценке тургеневского романа и образа его главного героя занял Ф. М. Достоевский. По Достоевскому, Базаров — это «теоретик», находящийся в разладе с «жизнью», это жертва своей собственной, су-

хой и отвлеченной теории. Иными словами, это герой, близкий к Раскольникову. Однако Достоевский избегает конкретного рассмотрения теории Базарова. Он утверждает, что всякая отвлеченная, рассудочная теория разбивается о жизнь и приносит человеку страдания и мучения. Но о причинах порождения этих теорий, об их социальной обусловленности он не говорит [6].

Глубже других современников Тургенева (Дружинин, Леонтьев, Антонович и др.) понял роман «Отцы и дети» и объяснил его идейный смысл Писарев, сотрудничавший в те годы в демократическом журнале «Русское слово». Его точка зрения на произведение Тургенева выражена в статьях «Базаров», «Нерешенный вопрос», «Прогулка по садам российской словесности», «Посмотрим!», «Новый тип» и др. Писарев подошел к роману «Отцы и дети» с теми же эстетическими критериями, с которыми анализировали предшествующие произведения Тургенева лидеры «Современника» Чернышевский и Добролюбов. В своих статьях он подробно и обстоятельно анализирует идеи тургеневского романа. Критик вскрывает причины появления новых людей в 60-х годах XIX века, изучает склад их мышления, обстоятельства воспитания, их поведение в обществе, их идеалы, наконец, определяет степень достоверности, с которой они отражены в различных произведениях художественной литературы, и в том числе в романе Тургенева. Нам особенно примечательным представляется отмеченная Писаревым историческая и социальная детерминированность русского/российского *нигилизма*. Он категорически возражал критикам, которые считали, что нигилизм является чужеземной теорией и ничего русского в себе не заключает. Автор «Реалистов» отмечал, что именно в русском обществе выработалось совершенно самостоятельное направление мысли — критическое, и вот оно-то присуще новым людям типа Базарова. Писарев прямо заявил: «... наш теперешний литературный реализм не выписан из-за границы в готовом виде, а формируется у нас дома» [2].

Сегодня другая реальность, другая историческая эпоха с ее набором, комплексом совершенно иных, чем вчера и позавчера, идей, приоритетов, запросов, историко-культурную закономерность смены которых обосновал еще В. Г. Белинский и развили дальше Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и др. Как видно из приведенного даже краткого и беглого обзора русской критической прозы 1860-х годов по поводу выхода в свет тургеневского романа «Отцы и дети» и возникшей в процессе отмеченной дискуссии проблемы российского нигилизма, русское общественно-политическое, в том числе и историко-литературное, самосознание второй половины XIX века вплоть до рубежа XIX-XX столетий всецело было сосредоточено на осмысление своей национальной ниши, идентичности в дихотомии Запад-Восток. Вот почему, по нашему мнению, тургеневский роман оказался в эпицентре идейных и цивилизационных исканий не только XIX-XX, а и XXI веков.

Вместе с этим, раскрывая концепцию настоящей статьи, уместно напомнить, что намеченная в процессе широкого беллетристического обсуждения связанных с нигилизмом вопросов его научно-практическая перспектива в условиях новой, советской, действительности оказалась придавленной, в загоне, или, как сегодня говорят, «в законе». Данное обстоятельство в корне изменило и научно-исследовательскую ситуацию, в частности, в литературоведении. В данном случае речь идет о том, что главенствовавший в стране вектор, в том числе литературоведческих, исследований, обслуживавший однополярный принцип коммунистической партийности, в рамках которой литературоведение в целом имело выдающиеся достижения и мировое признание, как бы наложил табу, в частности, на инакомыслие в науке, представлявший собой нечто иное как стерилизация и резервация науки как технологии мышления. Мы здесь осознанно не касаемся анализа и оценки деятельности «сценаристов» науки о литературе, таких столпов советского атеистического литературоведения, как А.В. Луначарский, В.В. Воровский, А.М. Горький, М.Б. Храпченко,

Д.С. Лихачев и других, так как эта область не входит в круг вопросов настоящей работы и является самостоятельной научной проблемой.

Между тем накопленный в XIX веке критический исследовательский капитал, содержащий в себе, вместе с учетом позитива формационного, революционно-демократического литературоведения, и наследие цивилизационного метода, в частности, почвеннической, органической и эстетической (артистической) критики, представлявшее собой признаки и предтече евразийского литературоведения. Именно в этом плане нам представляется уместным апеллировать, прежде всего, к деятельности классиков евразийского литературоведения кн. Н.С. Трубецкого [5] кн. Д.П. Святополк-Мирского [3], Ф.А. Степуна [4] и др., труды которых, несмотря на то, что были опубликованы еще в начале XX века, к сожалению, не нашли даже упоминания в советском литературоведении. Первое, предварительное знакомство с «Лекциями по древнерусской литературе» кн. Н.С. Трубецкого, читанных им в 1925-1926 гг. в Венском университете, на наш взгляд, вполне может составить научную методологию исследования и осмысления не только литературы Древней Руси, но и всего отечественного литературного наследия. Для удобства и убедительности, по-видимому, будет уместно привести следующий фрагмент из его сочинения, где очень точно указываются генетические и типологические признаки русской словесности. Здесь, прежде всего, отметим общий, исходный, взгляд автора на доминировавшие к тому времени и поныне дающие о себе знать в науке концепции истории и теории литературы: «Суждения и представления о древнерусской (и допетровской) литературе подчинены совершенно ложным концепциям. Ее, как и всю культуру допетровской эпохи, сравнивают с европейской, судят о ней с этих позиций, в силу чего, разумеется, и понимают ее абсолютно неправильно. К сожалению, такой неверный подход к древнерусской литературе содержится во взглядах самих русских литературоведов. Реформы Петра Великого создали пропасть между допетровской и послепетровской Россией, и новые поколения, пришедшие после Петра, смотрели на все дореформенное как на варварское, примитивное и малоценное. Лишь в начале нашего века, когда была заново «открыта» древнерусская живопись, невероятно высокий уровень иконописи поколебал миф о древнерусском «варварстве» и поставил под сомнение его истинность. Но случившееся с живописью, к сожалению, не произошло с литературой: она и доселе не «открыта». Наша задача – дать здесь истинное и справедливое представление о древнерусской литературе» [5].

В этом контексте, по-видимому, можно говорить или сожалеть о том, что развернувшаяся с выходом в свет тургеневского романа «Отцы и дети» ожесточенная общественно-политическая и литературно-критическая дискуссия и полемика о нигилизме, в частности, вбиравшее в себя в своей основе поликультурное философское многоаспектное – художественно-литературное («Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Бесы», «Подросток» и др.), публицистическое («Записки из подполья», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Дневник писателя» за 1872-1873 гг. и др.), мемуарное и т. п. – участие в ней Ф.М. Достоевского прервалось.

Опираясь на размещенный в интернете и представляющий собой в известной степени обобщающий в достоеведоведении материал о мучивших писателя всю жизнь вопросах современного исследователя русской литературы Ильи Овчинникова «Нигилизм в оценке Достоевского: введение» [7] – о его взглядах на нигилизм вообще и в романе Тургенева «Отцы и дети» в частности, можно сформулировать следующим образом: самой болезненной для Федора Михайловича была как сквозная проходящая через все художественное пространство «Бесов» проблема нигилизма в России. Но это в первую очередь нигилизм не политический, но нравственный, основанный на неверии в Бога и высшие незыблемые ценности. Как нам представляется, именно эта

нравственная несовместимость нигилизма в творчестве Гоголя и Достоевского стала одной из базисных констант евразийского учения.

Теоретик, один из основателей евразийского учения, Трубецкой, вслед, кажется, за Карамзиным, Гоголем и Достоевским и, опираясь, в том числе, и на их представления о русской/российской цивилизации, что, очевидно, могло послужить ему обоснованием воспринимать их (в частности, Гоголя и Достоевского,) «первыми пролагателями путей евразийства», закладывал основы, фундамент евразийского метода характеристики симфонического государства и симфонической личности, в основе которой лежал принцип «взаимозависимости». При этом, руководствуясь пониманием важности теоретической и практической значимости обсуждаемой темы, мы вынужденно и осознанно (учитывая, кстати отметить, в этой связи весьма любопытное и показательное почти текстуальное совпадение взглядов Трубецкого из ниже приводимого фрагмента его лекции на европейскую и российскую цивилизации и культуры с аналогичной концепцией Гоголя [1], содержащейся в его «Выбранных местах из переписки с друзьями, прибегаем к обильному цитированию текста Н.С. Трубецкого: «В Византии философия и религия были неразрывно связаны. Теперь мы различаем философию и богословие; для византийцев же подобного различия не существовало. Философия развивалась из догм веры (в скобках отметим преемственную и типологическую связь между Евангелием и Кораном), которые в свою очередь возникли благодаря философским размышлениям об Откровении. Правовые понятия также развивались в духе религии, так что было трудно провести разграничительную линию между церковным правом и правом государственным или гражданским. Сущность права в целом была созвучна каноническому церковному праву, одушевлена тем же духом, что господствовал в учении Церкви (и Ислама – А.К.), и философия права была лишь ответвлением общей философии, которая в свою очередь покоилась на вере. Естествознание, география и астрономия были вкраплениями религиозной системы, добросовестно приведенными в гармонию с духом и догмой веры. История также объединялась с системой религии; она рассматривалась с точки зрения религии и наитеснейшим образом была связана с историей Церкви. Все области знания, как естественного, так и гуманитарного, рассматривались как средство не только расширения духовного кругозора, но и моралистического поучения в духе веры и связанной с ней религиозной философии; в соответствии с этим ими и занимались. Таким образом, все ответвления знания и мышления и создали равноправное единство, гармоничную систему».

Таким образом, при осмыслении исследовательской ситуации интересующей нас проблемы евразийских истоков русской литературы рассматриваемого в настоящей статье периода ее развития, как нам представляется, особенно важен примененный Н.С. Трубецким цивилизационный междисциплинарный подход, позволяющий погружаться в более широкий евразийский культурно-исторический контекст.

Логика отмеченных выше сюжетов из истории идейной и общественно-литературной полемики вокруг издания романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», всколыхнувшей российское общество отраженным в нем явлением нигилизма, объективно вызывала необходимость глубинного изучения и осмысления не столько на уровне дебатов различных, в том числе околослитературных, течений, но серьезно разобраться в вопросах менталитета и самоидентификации России, ее многонационального и поликультурного пространства, наконец, тютчевской «особенной стати». Как было отмечено, эту линию, направление в российском общественном сознании, ожесточенно полемизируя с атеистами Белинским, Чернышевским и Добролюбовым, последовательно прокладывали Гоголь и вслед за ним Достоевский в своем и литературно-художественном, и в публицистическом, и в научном творчестве.

Список литературы

1. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0160.shtml, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Писарев Д. И. Реалисты / Д. И. Писарев. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0350.shtml, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – Режим доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2229179>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Степун Ф.А. Встречи. – Режим доступа: http://www.char.ru/books/424075_Vstrechi, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – Режим доступа: <http://books.academic.ru/book.nsf/62134546/История.+Культура.+Язык>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Овчинников Илья - Достоевский, Страхов и Герцен: конфликт или согласие. – Режим доступа: <http://lib.rin.ru/doc/i/90967p.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Романы И.С.Тургенева. Современные проблемы изучения: Учебное пособие. Калинингр. ун-т. — Калининград, 1999. — Составитель: Л. Н. Иссова, к.ф.н., доцент. – Режим доступа: <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/510/22510/5843>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Овчинников Илья. Нигилизм в оценке Достоевского: введение. – Режим доступа: <http://go.mail.ru/search?fm=1&q=>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Gogol N.V. Vyibrannyye mesta iz perepiski s druz'yami. Available at: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0160.shtml
2. Pisarev D.I. Realisty. Available at: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0350.shtml.
3. Svyatopolk-Mirskiy D.P. Istoriya russkoy literatury s drevneyshih vremen po 1925 god. Available at: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2229179>.
4. Stepun F.A. Vstrechi. Available at: http://www.char.ru/books/424075_Vstrechi.
5. Trubetskoy N.S. Istoriya. Kultura. Yazyik. Available at: <http://books.academic.ru/book.nsf/62134546/Istoriya.Kultura.Yazyik>.
6. Ovchinnikov Ilya - Dostoevskiy, Strahov i Gertsen: konflikt ili soglasie.– Available at: <http://lib.rin.ru/doc/i/90967p.html>.
7. Romanyi I.S.Turgeneva. Sovremennyye problemy izucheniya: Uchebnoe posobie. Kaliningr. un-t. Kaliningrad, 1999. Sostavitel: L. N. Issova, k.f.n., dotsent. Available at: <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/510/22510/5843>.
8. Ovchinnikov Ilya. Nigilizm v otsenke Dostoevskogo: vvedenie. Available at: <http://go.mail.ru/search?fm=1&q=>.